

Неделя, 1983, июль, ч. 28

Если верно, что продолжительность жизни в известной степени запрограммирована в генах, то Александр Сергеевич Пушкину досталась неплохая наследственность: его знаменитый прадед умер на 92-м году, оба его деда, бабушка по линии отца и мать прожили более 60 лет, а бабушка Мария Алексеевна и отец — по 73 года. Сестра Ольга, родившаяся на полтора года раньше Александра Сергеевича, пережила его на тридцать с лишним лет...

Хорошая наследственность, воспринятая Александром Сергеевичем от предков, передавалась его детям: старшая дочь Мария прожила 87 лет, старший сын Александр, особенно похаживавший внешностью на отца, успел отметить 81-ю годовщину, младшая дочь Наталья прожила 76 лет, а сын Григорий — 70.

Таким образом, мы можем утверждать, что дантесовская пуля настигла поэта на середине его жизненного пути.

В раннем детстве Александр Сергеевич был толстым, неуклюжим и малоподвижным. Это противоречит нашему представлению о нем как о чрезвычайно эмоциональном человеке с тонким стремительным профилем. Сестра поэта, вспоминая детские годы, свидетельствует: «...своего неповоротливостью, происходившего от тучности тела, и всегдашнего молчаливого приводил иногда мать в отчаяние. Она почти насильно водила его гулять и заставляла бегать, отчего он охотно оставался с бабушкой Марьею Алексеевной, залезал в ее корзинку и смотрел, как она занималась рукоделием... Достигнув семилетнего возраста, он стал резвее и шаловливее...»

Когда Иван Пушкин познакомился с двенадцатилетним Пушкиным, неуклюжесть, вялости не было и в помине — живой, подвижный, быстрогозрительный мальчик. По-видимому, родительские укоры и насмешки привели к тому, что в школе человеческих ценностей у него получили приоритет физическая сила и ловкость.

К занятиям в лицее Пушкин шел подготовлен лучше, чем многие его товарищи. Но он вовсе не думал это как-то выказывать. Напротив, как пишет И. Пушкин, «все научное он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр.»

Строгий распорядок шестилетней жизни в лицее (подъем в 6 часов, отбой в 22 часа) с регулярным питанием, чередованием умственных занятий и отдыха, обязательными трехчасовыми прогулками, хорошими гигиеническими условиями благоприятно отразился на его физическом развитии, а скромная обстановка его «кельи» (железная кровать, комод, конторка, за которой он занимался, стул, стол для умывальника) сделали его неприхотливым в быту.

Примерно те же предметы, втиснутые в одну комнату (зато все необходимое под рукой!) нашел И. Пушкин, навестив друга в Михайловском зимой 1825 года: «В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и пр. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны испитые листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев...»

Привычки юности, как и привязанности, — самые стойкие. И через много лет он будет придерживаться почти лицейского распорядка. Правда, когда хорошо пишется, чтобы не сплунуть вдохновения, работает, лежа в постели: «Просыпаюсь в семь часов, пью кофе, и лежу до трех часов. Недавно расписался, и уже написал прощание», — информирует он Наталью Николаевну из Болдина. «В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обедаю картофелем да грешной кашей. До девяти часов читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо...» В другой раз — из Михайловского осенью 1835 года: «Я много хожу, много езжу верхом... Ем я печеный картофель и яйца всмятку... Вот мой обед. Ложусь в 9 часов; встаю в 7...»

В еде Александр Сергеевич отличался неприхотливостью. Как свидетельствовал П. А. Вяземский, лакомкой он не был, но очень любил печеный картофель, моченые яблоки, крыжовниковое варенье и некоторые другие «дары природы». Менее чем за час до смерти ему захотелось моченой моршочки. С нетерпением ожидал, пока ее принесли. Вкус болотной ягоды — последнее приятное ощущение, которое испытал Пушкин.

Мемуаристы сходятся на том, что он был плечист, тонок в талии и сложен крепко и соразмерно. Да и сам Александр Сергеевич об этом прекрасно знал: «...мерялся поясом с Евпраксией, и талии наши нашлись одинаковы», — писал он брату из Михайловского и, чуть-чуть кокетничая, с улыбкой заключал: «След, из двух одно: или я имею талию 15-летней девушки, или она талию 25-летнего мужчины». Упоминания о его росте противо-

речивы. Некоторым он казался низкорослым — видимо, потому, что выглядел таким рядом с высокой Натальей Николаевной. Художник Г. Г. Чернецов, писавший с натуры группу поэтов, под изображением Пушкина пометил: «...ростом 2 арш. 5 верш. с половиной». Это почти 167 сантиметров — по тем временам рост вполне средний.

Александр Сергеевич постоянно подерживал хорошую физическую форму. Слыл неумолимым ходяком. Прогуливался часто с тяжелой — девятифунтовой — железной палицей, которую нередко подбрасывал и ловил на лету. Пристрастился к верховой езде. Дорожил репутацией хорошего наездника и однажды, повредив во время скачек руку, убеждал П. А. Вяземского, что не свалился с лошади, а упал вместе с ней на льду: «Большая разница для моего наезднического самолюбия».

Летом подолгу плавал в Сороти, а зимой перед завтраком принимал ванну со

концах волосы. В юности, согласно романтической моде, он носил кудри до плеч. Затем на смену им пришла более степенная прическа и густые баки.

Психологические особенности личности поэта охарактеризовать необычайно сложно. Его современники порой противоречат друг другу, потому что Пушкин менялся не только в разные периоды своей жизни, но и в течение одного дня и даже часа. Об этом пишет, в частности, А. П. Керн: он был неровен в обращении, «то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен...»

Как-то в разговоре с К. А. Полемым — братом и ближайшим сотрудником издателя «Московского телеграфа» — Александр Сергеевич подчеркнул свою склонность к грусти и меланхолии. (Это, кстати, тонко подметил художник Кипренский сумел средствами живописи точно передать во вдохновенном облике поэта оттенок затаенной горечи).

поднадзорность, казнь и аресты друзей, иезуитская цензура, безденежье, семейные неурядицы, камер-юнкерский наряд — все это не могло не привести к повышенной ранимости его характера.

В мемуарной литературе проскальзывает мнение о суеверности Пушкина. Его друг С. А. Соболевский даже выступил со статьей «Таинственные приметы в жизни Пушкина», в которой утверждал, что сосланный в Михайловское поэт не оказался в декабре 1825 года на Сенатской площади только благодаря чистой случайности: он решил тайно навестить друзей и уже выехал из деревни, но сперва ему дорогу перебежал заяц, а потом он встретил священника — и то и другое считалось дурным предзнаменованием, что будто бы и заставило его повернуть назад.

Как вспоминает соседка Пушкина по имени М. И. Осипова, поездка отменилась по тем же причинам. Но она пишет, что было это уже через несколько

мается, болезни были не очень опасные для здоровья. Подтверждение тому — краткость пребывания на госпитальной койке: два-три дня, максимум — пять дней. Уединение Александр Сергеевич использовал для сочинения стихов. Его навещали друзья. Пушкин сохранял для потомства сцену, когда поэт читал в госпитальном лазарете «Пирующих студентов»:

«...После вечернего чая мы пришли к нему гурьбой...»

Начало чтения:
«Друзья! Досужий час настал;
Все тихо, все в покое...» — и проч.

Внимание общее, тишина глубокая по временам только прерывается восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать, он весь был тут, в полном упоении... Доходит дело до последней строфы. Мы слушаем:

Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

При этом возглас публики забывает поэта, стихи его, бросается на бедного метромана, который, растаявши под влиянием поэзии Пушкина, приходит в совершенное одурение от неожиданной эпиграммы и нашего дикого натиска...»

Врач Ф. О. Пешель, которому было доверено здоровье лицейцев, в пушкинскую пору был легкомысленным человеком, забавлявшим лицейцев своими неудачными любовными похождениями, анекдотами и уморительным русским языком. Барон М. А. Корф остроумно называл его добрым человеком, «о котором могли отзываться дурно разве только его больные».

Занимаясь медицинской практикой, Пешель придерживался принципа «не вреди» и прописывал лекарства (чаще всего из солодкового корня), которые не оказывали никакого влияния на течение патологического процесса. Молодой и крепкий организм его пациентов сам справлялся с болезнями, благо они не были очень серьезными.

Но, как это ни парадоксально звучит, жизнь Александра Сергеевича подвергалась смертельной опасности именно во время пребывания его на больничной койке. Двадцатилетний «дядька» из вольноопределяющихся Константин Сазонов, который прислуживал Пушкину в лазарете, был изобличен в многочисленных убийствах и грабежах, совершенных в Царском Селе, и арестован. Это дало повод поэту выступить с эпиграммой, поставив рядом матерого убийцу и бездарного врача:

«Завтра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косяком;
Сазонов был моим слугою,
А Пешель — лекарем моим».

Одно время у него появились вспышки, как теперь предполагают, малярии. Они прекратились, как только один из докторов применил хину...

«Чувство выздоровления — одно из самых сладостных, — писал Пушкин. — Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хотя это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью». Через несколько лет он об этом же скажет в стихах:

«...я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь —
Весной я болен;
Кровь бродит, чувства, ум тоскою
стеснены...».

По физическому складу, привычкам, склонностям Пушкина один из биографов назвал его человеком Севера. Известно, поэт любил зимние морозы, но особенно — «унылую пору» поздней осени, когда крепко его здоровье и наступал период наиболее интенсивной работы.

Нередко ссылки на нездоровье были только предлогом избежать визита или свидания. Особенно часто Александр Сергеевич скрывается больным, чтобы не являться на обязательные рауты во дворец.

Однажды таким образом он пошел поздравлять наследника престола с совершеннолетием и об этом поделился в письме с Натальей Николаевной: «...репортуруюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен...»

И, наконец, один маленький, но до удивления значительный эпизод. Александр Сергеевич всегда ценил здоровье и очень обрадовался, когда однажды в Болдино услышал, как крестьяне величают господ «титлом Ваше здоровье»: «титло завидное, без коего все прочие ничего не значат».

„ЗДРАВЬЮ МОЕМУ ПОМЗЕН..“

Борис ШУБИН,
доктор медицинских наук

Сердцу поэта, раскрытому для прекрасного, были знакомы все оттенки любви, от чувственной до такой высокой, какая сродни только музыке или молитве. Он, хотя и проповедовал холодность, не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренне и, по воспоминаниям современников, был пленителем, когда что-нибудь приятное волновало его, и неуправляем в гневе, когда сталкивался с высокомерием, хамством, подлостью.

Мемуарная литература отражает его эмоциональную обостренность, страстность, пылкость, порывистость, чувствительность к насмешкам, обидчивость, нетерпеливость, неистощимую подвижность ума, влюбчивость, ветреность, излишнюю смелость, застенчивость... Характеристику различных граней личности Пушкина можно продолжать до бесконечности. Но, пожалуй, доминирующими свойствами его характера были неистребимое стремление к независимости, самоутверждению, свободомыслию, глубокая вера в собственное достоинство и постоянная, недремлющая готовность защищать свою честь пером и оружием. При этом честь он понимал значительно шире, чем только собственное человеческое достоинство и репутация своей жены, — это и доброе имя его предков, и авторитет учителей, и русский язык, и русская литература... «Невольник Чести», он служил укором всем тем, кто потерял человеческое достоинство или не имел его вовсе.

Жизнь поэта протекала в условиях постоянного стресса: конфликт с великодушным обществом, ссылка, доносы,

дни после восстания, о котором поэт узнал от кучера Осиповых, вернувшегося из столицы. Этот вариант кажется более правдоподобным: понятие первое импульсивное движение Пушкина — скорее в Петербург, к друзьям, братьям, товарищам, как он неоднократно именова в письмах участников восстания. Но по дороге наступило отрезвление и стала очевидной бессмысленность этой поездки, неоправданность риска. Надо было найти причину возвращения в Михайловское. А вот и хороший повод: заяц, священник...

Однако утверждения о суеверии Пушкина рушатся, когда читаешь зафиксированную Жуковским (по-видимому, со слов прислуги) хронологию дня дуэли: «...По отъезде Данзаса начал одеваться; вымылся весь, все чистое; велел подать бекешу; вышел на лестницу. — Возвратился, — (принес) велел подать в кабинет большую шубу и (поехал) пошел пешком до извозчика. — Это было ровно в 1 ч. ...». Считалось, что вернуться с дороги — одна из самых плохих примет: пути не будет. Но это не остановило Пушкина, хотя он вовсе не искал собственной смерти и рассчитывал на благоприятный для себя исход поединка.

Поэзия Пушкина чужда мистики, и сам он в 1826 году призывал Дельвига: «...не будем ни суеверны, ни односторонни...»

Источники информации о состоянии его здоровья в различные периоды жизни разнообразны: это и письма поэта, и воспоминания современников, и — очень редко — медицинские документы, составленные, к сожалению, не всегда грамотно. Например, в рапортах лицейского врача Пешеля время от времени фигурируют не диагнозы, а симптомы: «нездоров», «головная боль», «простуда»... Ду-

